

Мастеръ

В. ГРЕТОВ

«Книги тают, как ледяшки, принесенные в комнату. Все уменьшается. Всякая вещь мне кажется книгой. Где различие между книгой и вещью? Все уменьшается. Все тает... Холодит ладонь ускользящий эфес бескровной ломкой шпаги, отбитой в гололедицу у водосточной трубы».

О.М., «Египетская марка»

В ноябре в Стокгольме смеркается рано. Бесцельно побродив по узким охристым улочкам старого города, заглянув к букинистам, я спустился в подвал старьевщика, где в дальней комнате, заставленной посудой, фарфоровыми безделушками и всякой рухлядью, нашел в одной из коробок сборник Рильке в бумажной обложке и купил за 5 крон.

Яхтенный магазин на Скепсброн был уже закрыт. В яркой витрине, среди каталогов, картографических альбомов, гостевых справочников по шведским и датским маринам стояли книги Патрика О`Брайена, и я порадовался, что он признан сообществом моряков. Не зря одним из первых его читателей был сэр Фрэнсис Чичестер!

Много лет О`Брайен оставался «самым неизвестным из известных писателей». Он дорожил своим трудом, не разме-

нивался на интервью, будто следуя завету: «До тех пор, пока писатель не совершит преступления или не поступит на государственную службу, его частная жизнь принадлежит ему самому; и он имеет право защищать свое одиночество».

Незадолго до смерти руссильонский затворник написал семь страничек того, что можно, за неимением лучшего, считать автобиографией.

«Мне не хочется говорить о себе, и делаю я это с большой неохотой. Не в последнюю очередь оттого, что такие рассказы редко бывают заняты. К тому же, принимая во внимание платоновское положение — “не кто, а что?”, я убежден, что объектом интереса могут по праву считаться книги писателя, а не его жизнь. Индивидуальная жизнь — частное дело каждого человека, его близких и его друзей. К тому же мне представляется недопустимым путать письменный

стол со стопкой бумаги и авторучкой — труд, рассчитанный на внимание читателей, с распорядком дня и ежедневными заботами писателя, который этим трудом занимался.

Когда Руперт Харт-Дэвис попросил меня написать пару слов для первого сборника моих рассказов, а было это уже довольно давно, я вспомнил статью в «Спектейкере» от 1 марта 1790 года.

«Обратите внимание, — писал эссеист, — что читатель получает от книги тем большее удовольствие, чем лучше знает автора. Какой у него цвет кожи, темперамент, женат он или холостяк? И чем больше деталей характера писателя узнает читатель, тем приятнее ему читать книгу». В связи с этим, написал я Харт-Дэвису, если вы хотите удовлетворить читательское любопытство, можете объявить, что «Патрик О`Брайен — чернокожий, женатый и чрезвычайно нервный человек»».

В 2000-м, в год смерти писателя, К. Дин написал книгу об О`Брайене, лишённую ссылок, а в 2004-м пасынок писателя опубликовал первый том его биографии. Материал охватывает период от рождения Патрика (12 декабря 1914 г.) до осени 1949 года, когда он уехал с женой из Уэльса на юг Франции, в деревушку Кольюр, под Перпиньяном, где и прожил оставшуюся жизнь под псевдонимом О`Брайен.

Книга издана in folio, в твердом переплете, но читать ее не хочется...

Выбор художника следует уважать: «Не кто, а что!»

В конце концов: «Wir sind nur Mund... — Мы только голос...», — вспомнил я Рильке, опустив руку в карман пальто; и этот голос, обращенный к читателю, единственно важен. Что уж тут до череды годов и событий? Сменив фамилию на кельтский лад, уединившись во французской провинции, примерив на себя образ ирландца, вжившись в него до такой степени, что даже умереть ему пришлось в Дублине, он сознательно выпал из своей биографии, переписав ее с чистого листа, создав себя заново таким, каким хотел видеть, таким, каким хотел стать.

Том Перкинс, оказавшись в гостях у писателя в 1995 г., был поражен библиотекой деревенского дома, с полками, уставленными книгами по ботанике, зоологии, орнитологии (излюбленным увлечением О`Брайена, которое он приписал своему герою д-ру Мэтьюрину), геологии, географии, медицине... Среди изданий не было ни одного, датированного позднее 1820 года!

Это стоит томов биографий и позволяет увидеть в О`Брайене не «автора жанровых морских романов», а удивительное и редкое явление мастера, чеканящего свой мир в рамках избранной хронологии: с апреля 1800 г. по ноябрь 1815 г.; стилиста времен Джейн Остин, с той разницей, что Остин, у которой было два брата: сэр Фрэнсис Уильям Остин — адмирал и сэр Чарльз Джон Остин — контр-адмирал британского флота, приходилось так часто выслушивать рассказы о морских походах, что она ни разу не коснулась этой темы в своих книгах.

Отъезд во Францию был вызван нуждой: «Без денег легче жить в теплом климате».

XIX век предлагал свои альтернативы: от абиссинской экзотики Рембо до таитянского рая Гогена, но с крушением колониальных империй там стало небезопасно. В послевоенной Европе идеальным местом дешевого проживания был «дикий пляж» захолустного Средиземноморья, еще не облюбованный туристами. В 70-х его сменила Греция, куда «без денег, но с талантом» отправился Леонард Козн. Сейчас таких уголков не осталось — кризис.

Франция гарантировала чете О`Брайенов виноградники и, соответственно, собственное вино и устоявшуюся христианскую культуру, присыпанную пылью из-под копыт Россинанта — до испанской границы было рукой подать.

Писать О`Брайен начал еще до войны. Оказавшись в Кольюре, он пишет роман Testimonies — «Свидетельские показания» (1952 г.), действие которого происходит в Уэльсе, и... берется за переводы. Он перевел биографию де Голля, беллетристическую автобиографию Анри Шарьера, «Ацтек» Жака Сустеля и все произведения Симоны де Бовуар. Впрочем, и здесь он остался верен себе:

в английских изданиях де Бовуар имя переводчика не указано.

Перевод — хорошая школа, сродни копированию «старых мастеров» в классах живописи. Конечно, многое зависит от предпочтения и сродства, и лучше работать не по заказу, но проза де Бовуар безупречна, так что выбор был оправдан.

В 1966 году умер Сесил Скот Форестер, создатель морской эпопеи о капитане Хорнблауэре, над которой он работал с 1937 года. Книги Форестера были чрезвычайно популярны и заслужили восторженный отзыв Черчилля, не только Первого лорда Адмиралтейства, но и лауреата Нобелевской премии по литературе!

В конце шестидесятых, полу-

чив предложение «от одного издателя», О`Брайен отправился на поиски утраченного времени, которое и ему не давало покоя, по узкой кроличьей норе, и, спустившись в начало XIX века, радостно оглядевшись по сторонам, решил остаться здесь навсегда. «В конце концов, Гомера от падения Трои отделяло куда больше веков, чем меня от наполеоновских войн!»

В 1969 году он написал первый роман, как выяснилось впоследствии, из 20-томной эпопеи о капитане Джеке Обри и его друге — корабельном хирурге Стивене Мэтьюрине. Действие разворачивается на фоне войны с Францией на море. Первая книга — «Командир-штурман» (Master & Commander), последняя — «Синева за бизанью» (Blue at the mizzen, 1999 г.).

Период наполеоновских войн — наиболее изученный в истории британского флота.

В январе 1799 г. вышел первый выпуск «Морской Хроники» (Naval Chronicle). В год печаталось шесть выпусков, которые к концу года переплетались в двухтомную подписку. К декабрю 1818 г. собрание этого периодического издания составляло 40 томов.

В 1798 г. вышел шеститомный «Словарь морских биографий», позднее дополненный восьмитомным «Словарем биографий деятелей Королевского флота».

В 1800 г. на службе в Королевском флоте числилось 125 000 офицеров и моряков, а к 1810 г. их было уже 145 000. Количество мемуарной литературы того времени необозримо.

К тому же, к 1805 году принято относить появление первого английского морского романа «Хорошо просмоленный дом», приписываемого Джону Дэвису, предшественнику Уильяма Глэскока и Фредерика Марриета.

Из 48 томов, опубликованных Британским военно-морским архивом между 1893 и 1914 гг., 22 тома посвящено войнам с революционной Францией и с Наполеоном.

О современных разысканиях, исследованиях и научных публикациях и говорить нечего — Британия правила морями! Вышедшая в 2004 году 700-страничная монография Артура Хермана так и называлась: «Правь морями! (Как британский флот создал современный мир)».

Патрик О`Брайен был не чужд кропотливой архивной работе. В молодости он собирал материалы для исследования об «Этимологиях» Исидора Севильского, штудирова брeвиарии в библиотеке Британского музея, в Оксфорде, в Падуе и Ватикане. Рукопись погибла при бомбежке Лондона.

С 1973 по 1976 гг. писал книгу о своем друге Пикассо, для чего ему пришлось отправиться с женой в Каталонию, в Нью-

Йорк, Филадельфию и... в Эрмитаж.

В 1987-м выпустил «Жизнеописание сэра Джозефа Бэнкса» — известного натуралиста и сподвижника капитана Кука в кругосветных плаваниях.

При этом он оставался верен избранной теме: вел переписку с Государственным архивом и Национальным Морским музеем в Гринвиче, заказывал и получал копии корабельных чертежей, бортовых журналов, отчетов Адмиралтейства и судебных процессов. К некоторым из романов автор писал предисловия, точнее — короткие, в страницу-две, предувeдомления, в которых указывал на источники своего вдохновения.

Но ни усидчивость, ни точная память на паутину причин и следствий не могут объяснить, как О`Брайену удалось создать повседневный мир начала XIX века во всей полноте красок, звуков: поскрипывания ручки кресла под локтем, грохота ядра, разбивающего дубовую обшивку борта; запахов — травы в загородной усадьбе «Мейпс Корт» в графстве Суссекс, пороховой гари, сладкой трюмной вони, крови и дегтярной копоти.

Создается впечатление, что он там был, каким бы невероятным это ни казалось. Но ведь должен он был где-то находиться во время своих кабинетных странствий?

«Я не в ладах с миром, — признавался писатель, — и мог

бы заблудиться в современном Париже или, если на то пошло, в Лондоне. Я не понимаю постмодернизм, постструктурализм, не слушаю тяжелый рок, рэп и вряд ли сумел бы написать обзор новинок театральной жизни...»

Очевидно, у О`Брайена был абсолютный слух и работал он «с голоса». В предуведомлении к роману «Ионийский поход» (The Ionian mission, 1981 г.) он пишет о моде на музицирование в среде офицеров Королевского флота: «В каждой кают-компании хранилось с дюжину флейт, в выпусках “Морской Хроники” печатались “поэтические новинки”, порой очень высокого уровня, так, что писатель, пожелавший сочинить собственные имитации, скоро понимает бесперспективность такой затеи и вынужден обратиться к оригиналу. Лучший образчик я нашел в “Записках лейтенанта Королевского флота Сэмуэля Волтерса”, впервые напечатанных лишь в 1949 году, в издательстве Ливерпульского университета, под редакцией проф. Н. Паркинсона, которому выражаю искреннюю благодарность за возможность воспроизвести их в своей книге».

Точны и речевые характеристики персонажей О`Брайена: диалектные формы соответствуют месту рождения героев, а их суждения, как бы смелы или банальны они ни были, находятся на уровне переживаемого исторического момента.

Питер Бейли заметил: «Адмирал Остин вполне мог бы встретиться с капитаном Обри. Возможно, он не удостоил

бы его продолжительной беседой из-за разницы в воспитании и манерах, но он бы, безусловно, признал его профессиональные качества, храбрость и заслуги перед отечеством. Да и говорили бы они на одном языке!»

«Я люблю свои морские романы, — признавался О`Брайен, — потому что могу контролировать ритм и сюжет, хотя и не властен над ходом Истории».

Представление о замысле писателя мог бы дать адекватный тому литературному периоду — с ароматом витиеватых буквизм, с невнятной орфографией, свободной пунктуацией, опечатками и трогательным указанием на перенос слов со страницы на страницу (издание, конечно, in octavo — «в осьмушку», что так удобно укладывается в карман камзола) — русский перевод, который, к сожалению, невозможен за полной ненадобностью: его никто не станет читать.

Выглядеть этот перевод мог бы примерно так:

- А какой денекъ-то выдался, г-нъ капитанъ!
- Чудъсный, — согласился Джекъ.
- Въ самомъ дѣлѣ, bello soleil. — Повернувшись къ м-ру Мэтьюрину, онъ продолжилъ:
- Когда я всталъ съ постели нынче утромъ, я замѣтилъ зеленоватый оттѣнокъ неба на нордъ-нордъ-остѣ и сказалъ себѣ: «Какъ только стихнетъ бризъ, я не удивлюсь, если его смѣнитъ трамонтана».
- Странно, что вы находите трудными инозѣмные язы-

ки, сударь, — произнес мистер Мэтьюринг, который в погоду не разбирался. — Мне кажется, что человек с хорошим музыкальным слухом должен легко запоминать чужую речь.

— Возможно, я не обладаю абсолютным слухом, — отвечал Джек Обри. — Одному небу известно, как трудно мне бывает взять верную ноту в середине песни.

— Вы играете, сударь?

— На скрипку.

— Я тоже, как только выдается свободное время, берусь за виолончель.

— Благородный инструмент, — заметил капитан, и оба заговорили о Боккерини, смычках и канюли, крайне довольные обществом друг друга.

На взгляд современного читателя, такой текст выглядит излишне претенциозно: нельзя дважды вступить в реку родного языка и вернуть себе состояние невинности. Но для О`Брайена оно было привычно: английский язык не пережил тех ломок «по указу», что выпали на долю русского языка. Английская литература с конца XVII века не требует подготовки для чтения. Язык Шекспира внятен. У нас такой ясности добился Пушкин, и произошло это в первой четверти XIX века, протянувшись на столетие вперед, вплоть до языковой реформы 1918 года «по новоязу».

Погружение в тот достоверный язык приносит истинное наслаждение. Неслучайно в 1995 году Патрику О`Брайену была присуждена литературная премия Хейвуд Хилл, учрежденная герцогом Девонширским «За вклад в удовольствие от чтения книг». Получая премию из рук Тома Стоппарда, писатель заметил: «Это моя первая премия, если не считать перочинного ножика, который мне подарил в школе учитель за то, что я не сошел с дистанции даже тогда, когда все ученики меня обогнали и соревноваться было, в сущности, не с кем».

На исходе жизни писатель получил признание. Связано это было с тем, что в издательстве Harper Collins решили переиздать серию его морских романов. К работе был привлечен художник-маринист Джефф Хант, и теперь книги О`Брайена трудно представить в ином оформлении. К 80-летию он был награжден орденом Британской империи (СВЕ), в 1997 г. получил почетную докторскую степень Тринити-колледжа.

Двадцать первый роман, который автор не успел дописать (Патрик О`Брайен умер 2 января 2000 г.), был издан под заглавием «Последнее не завершённое плавание Джека Обри».

При взгляде на худое, узкое, морщинистое лицо этого седого человека в старомодном костюме, с обязательным галстуком, с запонками в манжетах, вспоминаются слова последнего русского поэта, сказанные в зимнем Стокгольме: «Если искусство чему-то и учит (и художника в первую голову), то именно частности человеческого существования. Оно вольно или невольно поощряет в человеке его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности, превращая его из общественного животного в личность».

Стало совсем холодно, набережная заискрилась снегом. Утром надо будет вернуться на Скепсброн, посмотреть, что там за тома стоят. А пока я достал Рильке:

Wer rechnet unseren Ertrag? Wer trennt
uns von den alten, den verganfen Jahren?
Was haben wir seit Anbeginn erfahren,
Als daß sich eins im anderen erkennt?

Буквы отчетливо проступили смыслом.

Кто вычислит итог? Кто отделит
нас от годов, чья поступь отзвучала?
Что мы узнали с самого начала?
То, что предмет с другим предметом слит?

Единое — и внутримировое
пространство все связует. И во мне
летают птицы. К дальней вышине
хочу подняться, — и шумлю листвою...

Под снегом, с замирающим шумом в голове, я почувствовал, как улицы чужого города наполнились бесконечностью единого пространства, и по ту сторону стокгольмского фьорда открылись зеленые холмы Корнуолла, виденные мною когда-то с моря, точно такие, как их видел капитан Джек Обри на рейде Плимута. И уже не разобрать: что было прочитано, что прожито?

Всякая книга — дверь, всякая дверь — книга.

Переводы из О`Брайена — автора, из Рильке — А. Ратгауза.

При оформлении статьи использованы картины художника Д. Бентама-Динсдейла.